

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПИЛЮГИНА

кандидат философских наук, докторант кафедры философии
Московского государственного педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: elenavpilugina@mail.ru

УДК 141.333

Общество постмодерна в парадигме «нового средневековья»: концептуализация

Исследуется феномен актуализации концепта «Новое Средневековье» в современной гуманитарной западной и российской науке, публицистике. Анализируются неосредневековые концепции З. Баумана, У. Бека, У. Эко, А. Неклессы и др. Исследуется адекватность применения указанного термина для фиксации происходящих социальных изменений и ключевых характеристик постмодернити. В современном обществе выявляются как созвучные классическому Средневековью черты, так и специфические «неосредневековые». Делаются выводы, что предпосылкой конституирования неосредневекового проекта в современности стало предельное освоение мирового рынка и, в условиях глобализации, втягивание в специфическую постмодерную реальность всего мирового сообщества. Обосновывается, что одним из признаков реализации неосредневекового социального проекта является феномен современной панмифологизации реальности.

Ключевые слова: Новое Средневековье, неосредневековый мир, «новые феодалы», глобализация, панмифологизация реальности, мифологема.

Научная и публицистическая обществоведческая мысль нашего времени — эпохи постмодерна — отличается лавинообразным внедрением новых терминов (иногда путем переформатирования старых), посредством которых философы, ученые, публицисты пытаются обозначить реперные точки современного социума. В результате бурного терминологического творчества уже к концу прошлого

столетия современное общество было маркировано как информационное — симулятивная, ризоморфная, хаотичная, сингулярная, дискурсивная и полинарративная социальная среда, непрерывно деконструируемая из отдельных фрагментов реальности (прошлого и настоящего) посредством языка. Но процесс концептуального оформления новейшего социального пространства продолжается и сегодня. Из сравнительно недавних маркировок актуально определение современного этапа развития социума как «Нового Средневековья». Подобное обозначение, хотя и препарированное тем пониманием Средневековья, которое установилось с начала Нового времени, в Ренессансе, в современных условиях глобализации и становления, поистине всемирных трансэкономической, геополитической, транскультурной систем, только на первый взгляд выглядит парадоксальным или провокационным. Проанализируем адекватность и особенности употребления дефиниции «неосредневековый мир» в качестве характеристики современной социальной реальности, выявив в глобализирующемся мире постмодернистские черты, созвучные классическому Средневековью.

Предварительно отметим, что первая волна актуализации термина «Новое Средневековье» обеспечена, прежде всего, неорелигиозным и консервативным религиозным направлениями в русской философии Серебряного века, представленными К. Леонтьевым, П. Флоренским, Н. Бердяевым; введение же в оборот термина связано с именем немецкого философа и поэта-романтика Фридриха фон Харденберга (Новалиса), критиковавшего гипертрофированно рациональное и технократическое Просвещение и пророчествовавшего о наступлении новой религиозной (христианской) эпохи — Нового Средневековья (в речи «Христианство и Европа», 1799 г.). Оставив за пределами внимания вопрос о причинах употребления и смыслах понятия на заре Просвещения и в ранний советский период, обратим лишь внимание на растущую популярность указанного термина, все чаще используемого в качестве концепта для прояснения важных тенденций современности.

Одним из первых черты неосредневековья в мире постмодерна разглядел признанный специалист в исследовании классического Средневековья, итальянский ученый-медиевист, философ, писатель Умберто Эко (Эко, 1994: 258–267). Показательна сама идея Эко, успешно воплощенная уже в первом романе «Имя Розы» — подать характерные для Средневековья темы в постмодернистской «упаковке», соединить, казалось бы, несоединимое: средневековый стиль и постмодернистский (а также философский трактат, эмпирическое научное исследование и детектив). Показательно и объяснение, которое дает Эко относительно причин, побудивших ученого заняться литературным творчеством: *популяризовать* Средневековье, освободив «само понятие Средневековья от отрицательной ауры, которую создала вокруг него определенного рода культурологическая публицистика возрожденческого толка» (Эко, 1994: 260).

Какие же условно средневековые черты обнаруживает в обществе постмодерна Умберто Эко? Прежде всего, отмечается схожесть той социально-культурной ситуации, которая сложилась в конце Римской истории и присуща также нашему времени: разваливается «огромная мировая империя, мощная интернациональная государственная власть, которая в свое время объединила часть мира с точки зрения языка, обычаев, идеологии, религии и технологии» (Эко, 1994: 259); империя рушится из-за внутренних причин (чрезмерное усложнение собственной структуры), а также под натиском наседающих «варваров», которые «необязательно необразо-

ванны, но которые несут новые обычаи и новое видение мира» (Эко, 1994: 259), точечными ударами ослабляя политического гиганта на периферии и внедряясь в его социальную и культурную материю, подтачивая изнутри. Параллели с современностью, по Эко, очевидны: «Что сегодня мы живем в эпоху кризиса Великой Американской империи, стало уже общим местом в историографии нашего времени» (Эко, 1994: 261).

Наряду с констатацией ситуации втягивания в «Новое Средневековье» У. Эко фиксирует следующие «неосредневековые» черты в политической жизни: децентрализация и общий кризис центральной власти, превратившейся в фикцию, систему абстрактных принципов; клановые отношения, становящиеся преобладающим типом социальных взаимодействий на некогда ментально однородном пространстве модернистского Города; «вьетнамизация территории», под которой понимается прогрессирующее образование частных военных образований, призванных защищать частные интересы «сильных мира сего» (назовем их «новыми феодалами») в условиях, когда государственная власть слабеет. Опираясь на наемников, неофеоды в лице ключевых акционеров транснациональных корпораций и межгосударственных инвестиционных фондов начинают борьбу за передел мира. Причем, как замечает Эко, распознавая характерные черты так называемых «гибридных войн» в нарушении обычаев, установленных либеральными государствами, «войну, больше не объявляют, поэтому никогда не известно, находимся ли мы в состоянии войны» или еще (уже) нет (Эко, 1994: 263). В результате практически нескрываемой деятельности и влияния «новых феодалов» с их частными военными корпорациями под подозрением в отсутствии легитимности оказываются не только конкретные государственные структуры, но и власть, и существующие законы как таковые. Так ментальное пространство социума расширяется для принятия новой власти и новых законов.

Говоря о культуре, У. Эко отмечает такие признаки неосредневекового взгляда на мир, как акцентированно апокалипсическое мировоззрение, порожденное неуверенностью перед завтрашним днем, изобилующее предрассудками, которые играют роль символических опор в рушащемся социальном пространстве; гипертрофированная цитатность и ссылка на авторитет: «гуляющие» по блогосфере афоризмы, якобы принадлежащие известным историческим личностям, являются, по сути, той же тактикой идеологов классического Средневековья, апеллировавших к авторитету предыдущих мыслителей. В результате, вся совокупность культурных высказываний выглядит огромным монологом без различий, с одними и теми же цитатами, стереотипными формулировками, схожей лексикой. Достаточно просмотреть передовицы в мейнстримовских СМИ, чтобы убедиться в том, насколько такая, данная Эко, характеристика средневековой культуры подходит современным массмедиа. Следует согласиться с итальянским философом и в том, что для современности характерна средневековая ориентация на зрелищность, с тем лишь различием, что сегодня место «каменной книги» — средневекового собора с его фресками и витражами — занял Голливуд. В обеих ситуациях, классического Средневековья и постмодернистского неосредневековья, происходит иерархизация знания (и тем самым стратификация общества на основе доступа к знанию). С одной стороны, оказывается культурная элита (в пространстве которой находится место и диспутам, и полилогу), ее знания объявляются *сакральными*, так как доступ к этим знаниям обеспечивает статусную квалификацию «знающих». С другой стороны — шаблонно мыслящие массы, готовые и привыкшие употреблять дайджесты знаний. Добавим,

что особенностью «нашего» неосредневековья является то, что знания не замалчиваются, не скрываются в неких монастырских библиотеках, а свободно «гуляют» в информационном пространстве. Способность сознания индивида к обработке информации, скорость и глубина обработки информация уже стали сегодня стратифицирующими критериями, рассекающими иллюзорно однородное информационное пространство постмодерна на тех, кто способен обрабатывать информацию, и тех, кто довольствуется информацией, представляемой информационными поисковыми системами. Большинство пользователей Интернета — именно *пользователи*, а не обработчики информации. У. Эко маркирует такую культуру как *bricolage* (Эко, 1994: 265), предполагающий «неразличение эстетического и механического предметов». Уточним, что, если в классическом Средневековье механическое подавалось как эстетическое, то сегодня, напротив, эстетическое представляется как механическое. Наряду с этим исследователи отмечают культивирование схоластических установок на непрременную завершенность знания, что приводит к инструментализации знания.

Собирательный подход и фрагментарное усвоение предшествующего культурно-исторического наследия классическим Средневековьем, когда бралось на вооружение только то, что можно было переформатировать и интерпретировать, совмещив с генеральной линией религиозно-политической *идеологии*, а остальное игнорировалось или уничтожалось, отличает и составную, мозаичную, культуру постмодерна. Социально-культурное пространство постмодерна — пространство пазловой действительности, причем под «действительностью» здесь понимается не собственно реальность, а воплощение реальности в неких символах. Ключевым словом в культуре становится «интерпретация» как трактовка трактовок. Прошлое также интерпретируется и фрагментируется; фактически, неосредневековое, как и классическое средневековое, мировоззрение не предполагает действительное изучение и проникновение в прошлое. История объявляется подчеркнуто необъективной и представляется не научными трудами, а «в песнях вагантов», создающих мифические образы исторических героев и событий. Такая история выглядит как ретроспекция — и оправдание — современности.

Размышления и колоритные зарисовки новой эпохи как неосредневековья, представленные философом и историком У. Эко, оказываются близки исследованиям современных социологов. Так, о наступающем «новом средневековье» размышляет немецкий социолог У. Бек (Beck, 1999) в контексте вызовов глобализации, которая, по его мнению, с одной стороны, предстает как естественный процесс делокализации (экономической, информационной, культурной), но, с другой стороны, не отвергает и социальные локализации. Только это — релокализации, в результате которых традиционные устойчивые социальные локальные образования деконструируются могущественными социально-экономическими силами в задаваемом ими ракурсе. С целью создания и дальнейшего расширения глобального «свободного рынка» транснациональные экономические сети разрушают «старые» национальные государства, расчищая тем самым мировое социальное пространство для неограниченного потребления-производства услуг и товаров, то есть, для собственного поддержания и воспроизводства. Для этого же создаются альтернативные локальные социальные структуры в виде новых государств или их объединений; впоследствии эти структуры также будут разрушены, а на их базе созданы новые — и так до бесконечности, ведь неустойчивыми, вечно «молодыми», объединениями всегда

легче управлять. Фактически разыгрывается «битва нового типа: акторы национально-государственные versus транснациональные» (Бек 2001: 34); причем правила игры теперь задают как раз надгосударственные структуры, разрушающие и сталкивающие ради реализации своих интересов национальные государства друг с другом. Так проявляется «новый феодализм», где в качестве «сеньоров» выступают инвестиционные фонды и транснациональные корпорации, а их вассалы — целые государства, воюющие уже не ради собственных выгод или гегемонии, а во имя «единого товарного мира». У. Бек делает важное замечание, что при этом одурманенные потоком информации, любуемся из подконтрольных ТНК медиа, государства (как в виде их политических элит, так и в виде широкой общественности) все еще искренне верят в собственную значимость, не замечая, что игра уже поменялась. Таким образом, характерная для классического Средневековья диверсифицированная социальная структура в эпоху постмодерна лишь расширяется количественно, охватывая все человечество, глобализируется, оставаясь по сути тем же жестко структурированным, иерархическим, немобильным обществом, ориентиры которого задаются исключительно «сверху». Тем не менее, пытаясь найти выход из складывающейся ситуации, немецкий социолог обозначает возможную позитивную перспективу в виде создания транснациональных государств, проводящих «многоуровневую политику в рамках наднациональных систем» (Бек, 2001: 188–198) с учетом интересов всех входящих в эти системы компонентов. Вероятно, в качестве такого трансгосударственного образования, способного противостоять транснациональным корпорациям, У. Бек видел ЕС, и с этим можно было согласиться еще некоторое время назад. Но сегодня уже очевидно усиление центробежных тенденций в Европейском союзе, производных, как кажется, от невозможности адекватно противостоять реально глобальным по интересам и влиянию транснациональным корпорациям. Также У. Бек явно не обозначил главный признак и причину воссоздания характерной для Средневековья жестко стратифицированной социально-экономической структуры, где в качестве «сословий» выступают уже не слои в рамках отдельного национального общества-государства, а целые государства: лидирующие страны «золотого миллиарда», развивающийся «реваншистский» Восток, включая Россию, и находящийся в фарватере вестернизированной мировой экономики Юг. Эта важнейшая причина, как и в классическом Средневековье, — узкий внутренний рынок. Приходится признать, что современная мировая экономика в определенной степени достигла предела своего развития на планете Земля. Новый импульс может быть связан лишь с реальным выходом в Большой Космос, подобно тому, как стимулом Возрождения стали Великие географические открытия. А пока — бесконечные локальные войны с целью новых и новых переделов уже поделенного глобального рынка; и это войны *не за изменение системы*, а лишь за то, чтобы оказаться в привилегированных слоях нового общества, заменив одних лидеров другими.

Польско-британский социолог З. Бауман (Бауман, 2005) также отмечает текущее глобальное противостояние между трансгосударственными экономическими структурами, и сформировавшимися окончательно в эпоху модернити политическими объединениями. Де-юре государства при этом не уничтожаются; де-факто же они просто аннигилируют как суверенные политические образования, так как «международный капитал кровно заинтересован в слабых государствах», низведенных при этом до положения «местных полицейских участков, обеспечивающих тот минимальный порядок, который необходим бизнесу», но не порождающих опасений,

что могут стать эффективным препятствием на пути свободы глобальных компаний (Бауман, 2005: 83). Так происходит дерегуляция рынка: сегодня уже не государства регулируют рынок, а глобальный рынок в лице транснациональных корпораций регулирует государства и их отношения. Мировая институционально-политическая система трансформируется из прежней системы с акцентом на суверенитет государств как ключевых игроков на политической арене в систему управленческого типа, где правители государств оказываются, по сути, лишь менеджерами транснациональных корпораций.

При этом национальные государства оказываются в двойной ситуации: маркируемые всего лишь как отдельные локальные рынки в глобальном рыночном пространстве, не обладающие реальной возможностью осуществлять свою власть на своей территории, выступать гарантом защиты интересов своих граждан, тем не менее этими гражданами продолжают считаться социально ответственными за все — безопасность, благосостояние. Поэтому критика общества относится именно к государственным структурам, «не желающим» выполнять свои функции; действительные «хозяева жизни» остаются не только за пределами критики, но и даже простого внимания граждан. Урбанизированное самосознание города модерна раскалывается на «гарлемы» и «манхэттэны», фрагментируется, как и все социальное пространство постмодерна. В результате растет неравенство — межгосударственное, межстрановое, внутрисоциальное, причем главным стратифицирующим фактором, по мнению З. Баумана, выступает свобода передвижения в границах города. Действительно, толерантность элит проистекает, во многом, из того, что в реальности они просто не сталкиваются с «чужаками», наблюдая их из окна лимузина и воспринимая в качестве неких этнографических символов. Для широких масс, для социальных низов проблема чужестранцев вполне реальна. В отдельных европейских и американских городах уже сложилась парадоксальная ситуация: коренной парижанин или в нескольких поколениях житель Нью-Йорка просто опасается заглянуть в некоторые кварталы собственного города из-за контроля их «чужаками». Так происходит поляризация свободы и безопасности, и даже права на индивидуальность; и, таким образом, разрушаются базовые принципы либерального мироустройства модернити.

Определяя признаки неосредневековья в структуре современной социальной жизни, З. Бауман на этом не останавливается. Социальная стратификация и диверсификация, усиление и регламентация социального неравенства, по его мнению, вызваны фундаментальными изменениями менталитета. Бауман фиксирует, что ключевой характеристикой нашей эпохи стала тотальная неуверенность общества и индивида в себе, в окружающем мире, в будущем. В мире «радикального плюрализма» человек *вынужден* нести бремя индивидуальности, даже когда не имеет на это ни ресурсов, ни сил. В результате люди объявляются индивидами *de jure*, не являясь ими *de facto*. В XX в. человек экзистенциально противостоял обществу во имя сохранения личностного начала, и в таком контексте личностное препарировалось социальным. В постмодернистском мире человек, фактически, сводит социальное к индивидуальному, концентрирует внимание на собственном развитии, сознательно уводя его в сторону от сферы общественного. Так люди стремятся упростить свое положение в чрезмерно сложном мире. Чтобы справиться с собственным одиночеством и неуверенностью, современный человек переносит свои смутные символические страхи на окружающий мир. Подобная «местечковая» гипертрофия

частного, третьестепенного для мирового сообщества, но единственно реального для индивида предстает как реверсия «частное-реальное» в противовес «глобально-виртуальному», и обеспечивает для современного индивида экзистенциальную уверенность в собственной реальности. В то же время «местечковой» психологией легко манипулировать, создавая «индивидуальные крючки», на которые «перепуганные люди могли бы коллективно повесить свои индивидуальные страхи». Именно поэтому, считает Бауман, наше время так «щедро на козлов отпущения — будь то политики... преступники... либо затесавшиеся среди нас иностранцы» (Бауман 2005: 95), периодически устраивая «охоты на ведьм» и клеймя «демонов».

Подытожим сказанное: У. Эко, У. Бек, З. Бауман рисуют фактически один и тот же образ наступающего мира — диверсифицированного, жестко стратифицированного, иерархического, ментально нестабильного и немобильного, с шаблонным мистифицированным и симулятивным мировоззрением. Если добавить, что, не маркируя современный этап социального развития конкретно «новым средневековьем», обозначенные выше черты одного фиксировали и американский социолог И. Валлерстайн (Валлерстайн, 2003), и, значительно ранее, русско-американский социолог П. Сорокин (Сорокин, 2000), и многие значимые фигуры во французской постмодернистской философской волне (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж.-Л. Нанси), то становится объяснимой как нарастающая популярность концепта «Новое Средневековье», так и адекватность его для обозначения начавшихся и грядущих социальных изменений.

Отдельно стоит остановиться на реанимации концепта «Новое Средневековье» в современной российской научной и публицистической мысли. Здесь можно отметить работу Л. И. Блехера и Г. Ю. Любарского, в которой неосредневековая концепция представляется через призму традиционного культурно-исторического противостояния «западников» и «славянофилов» в русском ментальном пространстве. Авторам близка мысль о чередовании «средневековий» и «возрождений» в истории человечества (Блехер, Любарский, 2003). В то же время авторы правомерно отмечают, что исторические этапы не повторяются буквально, важно лишь наличие общих тенденций. Так, если для классического Средневековья наиболее значимой была антитеза «земной мир — духовный мир», то в эпоху постглобализации уже внедрена и получила распространение иная по содержанию, хотя и близкая методологически и концептуально антитеза «реальное — виртуальное».

Значительное внимание очерчиванию образа наступающего мира отводится в серии работ А. Неклесса (Неклесса, 2004; 2012), в которых автор, фактически, обозначает в сегодняшней социальной реальности те же черты, что З. Бауман, У. Бек или У. Эко: новую геоэкономическую стратификацию мирового социального пространства; «восстание элит», под которыми понимаются «комплексные энергичные сообщества», космополитичные по духу, приватизировавшие информационные и социальные технологии как средства деконструкции мира; состояние «культурной растерянности эпохи» (Неклесса, 2012) через усиление социальной сингулярности; отсюда, «новый традиционализм» и фундаментализм, схоластичность, конъюнктурность и коллажность мировосприятия, десекуляризация общества в целом; приоритет корпоративных ценностей над личностными; «эпидемия мемов» и мифов; глокализация как причудливое сочетание глобализации и социальной фрагментаризации; реколонизация очагов западной культуры. В результате всех этих явлений окончательно разрушается мир модернити и актуализируется

новый мир «массовой индивидуации», «перманентной транзитности», — одновременно, трансграничный и партикулярный мир постмодерна (Некlessа, 2004).

Отметим, что активно распространяющиеся в современной российской гуманитарной науке и публицистике идеи «Нового Средневековья» традиционно приобретают русскую ментальную окраску; так, и нынешнюю русскую интеллигенцию заботит не столько грядущие и уже происходящие социально-экономические изменения, сколько духовные; вероятно, поэтому проблема «осредневековывания» поднимается не столько социологами, как на Западе, сколько литераторами, критиками, что порой сужает ареал рассмотрения и характер самой проблемы, когда, например, в плане неосредневековых тенденций видится лишь реанимация религиозного православного мировоззрения (Чумакова, 2013) или возрождение стилистики древнерусских жанров, связанных с духовными поисками человека (Пожидаев 2009). В то же время есть и некоторые концептуальные находки — например, понимание того, что наступающее «неклассическое» «Средневековье» по отношению к классическим средним векам выглядит большей частью как симулякр (Чумакова, 2013); что, впрочем, вовсе не означает «реальность без реальности» в бодрийеровском духе (Baudrillard, 1981). Ведь тогда мы вряд ли так легко обнаруживали бы в современности явные черты общества, бытовавшего в Европе в промежутке от падения Западной Римской империи и до XIV–XV веков, когда началось его разложение. Кроме того, судя по активности распространения неосредневековых идей, наша эпоха в лице гуманитарной элиты начинает *искренне* ощущать себя в возрождающейся средневековой социальности и ментальности — примерно так, как ощущали себя возрождающими классическую античность гуманисты и идеологи Ренессанса. Но только был ли Ренессанс действительным Возрождением духа Античности, или, скорее, тем, как восприняли дух Античности Петрарка, Данте? Вероятно, и в нашем случае ситуация сходная: неосредневековье постмодерна — это симуляция Средневековья через призму и в конфронтации с индустриальным современным обществом, в контексте глобализации. В этом случае концепт «Новое Средневековье» выглядит как мифологема — *образ* реальности, конструируемый из фрагментов реальности прошлого ради реализации определенных текущих социальных задач. Мифологемный характер концепта «Новое Средневековье», а также мифологизация реальности как таковой — это, как представляется, важный принцип современного мировоззрения, имманентный условно «средневековому» мировосприятию, упускаемый из виду в рассмотренных выше неосредневековых теориях и подходах.

Подчеркнем, что мифологема — не миф, а отдельный фрагмент мифически воспринятой реальности. Мифическое восприятие обращается к подсознанию, акцентирует эмоциональную составляющую картины мира, эксплуатирует социально значимые *переживания*, которые оставляют драматические исторические события, как правило, связанные с зарождением и выживанием сообществ — своеобразные травмы истории на «теле» этносов. Указанные принципы объединяют традиционные мифы, как первый способ осознания себя обособляющегося от природы человеческого сообщества, и мифологемы (Пилогина, 2014). Мифологемный вариант восприятия реальности складывается тогда, когда целостную и цельную относительно однородную мифическую картину мира разделяют на отдельные фрагменты реальности с помощью сознания. И затем заново складывают. Но в такой мозаичной реальности цельность уже навсегда утрачена, а восприятие мира навсегда расколото. Если в классическом Средневековье старались сохранить хотя бы иллюзию

целостности, то в наше время создатели таких «картин мира» не удосуживаются обеспечением плавности перехода от одних образов-фрагментов реальности к другим. Это уже не мозаика, а пазлы реальности, главное в которых не оттенок восприятия, а *форма*, то есть способность фрагмента «быть вписанным» в общую картину мировосприятия, и при этом уже не важно, насколько он подходит по сути. Фрагменты то и дело тасуются, картина мира при этом меняется, как в калейдоскопе: при каждом «встряхивании» (социальном вызове) — новый образ реальности.

Тем не менее практика контроля над реальностью через создание искусственных образов восприятия реальности, апеллирующих одновременно и к разуму, и к глубинным бессознательным переживаниям, была опробована именно в Средние века. Реальность при этом становилась двухслойной: слой повседневной реальности и более важный, значимый слой реальности внедренных образов-знаков — сверхреальности (сверхъестественного). При таком «слоистом» мировосприятии человеческое сознание находится постоянно на грани, в конечном счете запутывается настолько, что не всегда может определить, в какой реальности находится и где «точка перехода», становится нестабильным, а значит, легко управляемым. Фактически, средневековые церковные деятели «нащупали» эффективный способ манипулирования массами, хотя сами действовали при этом интуитивно; да и общество было не таким взаимосвязанным и динамичным, предоставляя возможность социальным манипуляторам производить свои социальные эксперименты в локальном пространстве и в длительной перспективе. В условиях же глобализации социальное пространство расширяется, а социальное время ускоряется, поэтому последствия подобных социальных экспериментов наступают уже завтра, а не через поколения, как ранее, и тут же принимают характер глобальных проблем. Таким образом, современный мир от классических Средних веков отличается динамикой изменений и глобальностью воссоздаваемой неосредневековой реальности. Социальная динамика и вызывается, и вызывает, в свою очередь, непрерывное изменение мировосприятия через бесконечное перемещение и смешение фрагментов реальности прошлого, настоящего, будущего; реальности и ирреальности; и это уже не двухслойный социально стабильный мир классического Средневековья, а многослойный неструктурированный, не только ментально, но и социально нестабильный, сингулярный мир постмодерна, в котором отдельные слои реальности плавно переходят друг в друга по принципу «ленты Мебиуса». При этом право конструировать мифологемы и посредством их манипулировать массовым сознанием официально жестко не закреплено за некоторыми сакральными социальными силами (в виде церкви, монархов). Возникает даже иллюзия, что в мире индивидов, массово осознавших собственные права и свободы, в мире «радикального плюрализма» и постулируемой толерантности, возможность влиять на других ограничена лишь психологически, а не социально, как ранее, или случайностью. Поэтому в процесс конструирования мифологем потенциально включаются все сколько-нибудь значимые социальные силы. Но, учитывая, что мифологемы, вне зависимости от целевой установки, эксплатируют, в общем, базовые потребности человека и важнейшие архетипы массового сознания, в процессе современного мифологемного творчества на первый план выходит не способность конструирования, а способность деконструирования мифологем. Если в классическом средневековом мире социальные манипуляторы использовали принцип гомеопатической доли хаоса для создания контролируемой психической нестабильности, то в современном мире гомеопатической становится

как раз зона порядка; и включает она те социальные силы, которые оказываются над пространством хаоса. Именно они и имеют *реальную* власть в обществе, которая состоит вовсе не в конструировании/деконструировании влиятельных мифологем, и даже не в создании социальных лекал для мифологем, а в том, что эти силы способны направлять социальную энергию туда, куда им нужно, создавая точки нестабильности. Если в мире модерна была установка на эксклюзивность бытия, что становилось приводным ремнем всех социальных изменений, то современное общество постмодерна дрейфует к преимущественно инклюзивному социальному бытию, при котором личность тем больше реализуется, чем больше включена в конкретные социальные группы. Эта включенность определяет и характер, и форму, и смысл личностной реализации. Образно говоря, человек после пятисот лет модернити устал за все отвечать сам, создавать себя сам, с облегчением отдаваясь сегодня воле тех социальных сил, которые обещают взять социальные вызовы на себя.

Подводя общие итоги сказанному выше, отметим, что популяризация термина «Новое Средневековье» в качестве обозначения современного общества постмодерна вызвана проявлением и активизацией социальных и ментальных черт, поразительно напоминающих общество и ментальность средних веков. Введение в оборот самого термина «средние века» предполагает переходный характер данного периода, или, по крайней мере, бытующее преобладающее мнение о временности потрясений, но и об их неизбежности. Грядет «эпоха перемен» — время культурной революции, призванной окончательно изжить принципы модерна (вестернизацию, прагматизм, либерализм, свободный рынок, динамичность, прогрессивность, рационализм, акцент на личностное развитие) и на его обломках создать «новый старый мир»: многополюсный, идеатический, авторитарный, с условно «цеховой» структурой ограниченного рынка, подчеркнута регрессивный и мифологемный, с акцентом на социальную идентичность, а не личность. В условиях глобализации именно такой вид социального устройства, зародившись в конце модернити в Западной Европе, рано или поздно станет преобладающим, примерно так же, как общество модерна в свое время, с некоторыми оговорками, поглотило все человечество. Потому что «многоаспектная глобализация не оставляет никаких шансов какой бы то ни было стране или народу безучастно наблюдать со стороны за происходящими событиями» (Чумаков, 2008: 88): в глобальном мире всякая трансформация неизбежно глобальна.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
- Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1991. 438 с.
- Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ. под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
- Неклесса А. Трансформация будущего. 2004. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15958-transformaciya-budushego.html (дата обращения 10.01.2016).
- Неклесса А. Реконфигурация мира. 2011. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2681> (дата обращения: 10.01.2016).

Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., коммент. и ст. В. В. Сапова. СПб.: Изд. РХГИ. 2000.

Пилюгина Е. В. Современная социальная реальность: панмифологизация, информационные войны и кризис постмодерна // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2014. № 4. С. 83–92.

Пождаев Е. Старое и новое средневековье. 2011. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Staroe-i-novoe-srednevekov-e> (дата обращения 10.01.2016).

Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций. 2008. Век глобализации. № 2. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129863/> (дата обращения: 10.01.2016).

Чумакова Т. Новое русское средневековье. Журнальный клуб Интелрос. Отечественные записки. 2013. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otchestvennyye-zapiski/o1-2013/19626-novoe-russkoe-srednevekovye.html> (дата обращения: 10.01.2016).

Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.

Beck U. What Is Globalization? Cambridge: Polity Press. 1999. 365 p.

Baudrillard Jean. Simulacres et simulation. Paris: Éditions Galilee, 1981. 516 p.

References

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2005. 390 s. [Bauman Z. The Individualized Society. M.: Logos, 2005. 390 p.].

Bek U. Chto takoe globalizatsiya? M.: Progress-Traditsiya, 2001. 304 s. [Bek U. What Is Globalization? M.: Progress-Traditsiya, 2001. 304 p.].

Berdyayev N. Novoe srednevekovye. Razmyshleniya o sudbe Rossii i Yevropy. M., 1991. 438 s. [Berdyayev N. New Middle Ages. Reflections about destiny of Russia and Europe. M., 1991. 438 p.].

Vallersteyn Im. Posle liberalizma / per. s angl. pod red. B. Yu. Kagarlitskogo. M.: Yeditorial URSS, 2003. 256 s. [Wallerstein I. M. After liberalism. M.: Editorial URSS, 2003. 256 p.].

Neklessa A. Transformatsiya budushchego. 2004. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15958-transformatsiya-buduschego.html (data obrashcheniya: 10.01.2016). [Neklessa A. Transformation of the future URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15958-transformatsiya-buduschego.html (date of access: 10.01.2016)].

Neklessa A. Rekonfiguratsiya mira. 2011. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2681> (data obrashcheniya: 10.01.2016) [Neklessa A. Reconfiguration of the world. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2681> (date of access: 10.01.2016)].

Sorokin P. Sotsialnaya i kulturnaya dinamika: Issledovanie izmeneniy v bolshikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy / per. s angl., komment. i st. V. V. Sapova. SPb.: Izd. RKhGI, 2000. 720 s. [Sorokin P. Social and Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships. SPb.: Izd. RHGI, 2000. 720 p.].

Pilyugina Ye. V. Sovremennaya sotsialnaya realnost: panmifologizatsiya, informatsionnye voyny i krizis postmoderna // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. 2014. № 4. S. 83–92 [Pilyugina E. V. (2014) Contemporary social reality: the phenomenon of pan-mythologizing and the crisis of the post-modern // *Bulletin of the Voronezh state university. Series Philosophy*, № 4, pp. 83–92].

Pozhidaev Ye. Staroe i novoe srednevekovye. 2011. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Staroe-i-novoe-srednevekov-e> (data obrashcheniya: 10.01.2016) [Pozhidaev E. Old and new Middle Ages. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Staroe-i-novoe-srednevekov-e> (date of access: 10.01.2016)].

Chumakov A. N. Sovremennyy mir: na poroge fundamentalnykh transformatsiy. 2008. Vek globalizatsii. № 2. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129863/> (data obrashcheniya:

10.01.2016) [Chumakov A. N. Modern world: on a threshold of fundamental transformations. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129863/>].

Chumakova T. Novoe russkoe srednevekove. Zhurnalnyy klub «INTYeLROS». Otechestvennyye zapiski. 2013. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/o1-2013/19626-novoe-russkoe-srednevekove.html> (data obrashcheniya 10.01.2016) [Chumakova T. New Russian Middle ages // *Journal club «INTELROS»*. Domestic notes. 2013. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/o1-2013/19626-novoe-russkoe-srednevekove.html> (date of access 10.01.2016)].

Eko U. Srednie veka uzhe nachalis // Inostrannaya literatura. 1994. № 4. S. 258–267 [Eco U., (1994) The Middle Ages has already begun // *Foreign literature*, № 4, pp. 258–267].

Beck U. What Is Globalization? Cambridge: Polity Press. 1999. 365 p.

Baudrillard Jean. Simulacres et simulation. Paris: Éditions Galilee. 1981. 516 p.

The postmodern society in the paradigm of “the new middle ages”: conceptualization

ELENA V. PILYUGINA

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia;
e-mail: elenavpilugina@mail.ru

This article examines the phenomenon of the activation of the concept “New Middle Ages” in the modern Western and Russian humanitarian science, journalism. Actual neomedieval concepts are analyzed: S. Bauman, U. Beck, U. Eko, A. Neklessa, etc. The adequacy of the application of this concept for fixation of ongoing social changes and key characteristics of the postmodernity is analyzed. Come to light in the modern society both consonant features to classical Middle Ages and specific “neomedieval” features. Conclusions are drawn that limit development of the world market became the prerequisite of an institutionalization of the neomedieval project in the present became and, in the conditions of globalization, retraction in the specific post-modern reality of all world community. Locates that one of signs of implementation of the neosredneveky social project is the phenomenon of a modern pan-mythologization of reality.

Keywords: New Middle Ages, neomedieval world, «new feudal lords», globalization, pan-mythologizing, mythologema.